

HISTORY

Egorov S.

SECULAR WORK OF THE PROTESTANTS IN THE OPTICS OF THE DOCUMENTS OF THE COUNCIL FOR THE AFFAIRS OF RELIGIOUS CULTS

Egorov S., Russia, Moscow City University, PhD (Candidate)

Abstract

The subject of the research is the terms used to describe professional work of the Soviet Protestants in the texts of church and secular authors of 1940-1960-s. Protestant attitude towards work was forming in the context of numerous restrictions by the State, including access to higher education and access to decision-making posts. Under the influence of the circumstances by the time of the beginning of the investigated period there were very different perceptions of the ways how to treat work in protestant communities. Perception of the secular authors, who observed activities of the Protestants, was also ambiguous. On the basis of the study of church and secular texts, collected by workers of the Council for the Affairs of Religious Cults, the author of the present research notices and analyses similarities and differences in use of terms, ways of argumentation of particular provisions, as well as the conclusions, reached by the authors of the texts.

Keywords: Protestantism, Baptists, Evangelical Christians, Pentecostals, Soviet Religious Politics, USSR

Макс Вебер в своем известном исследовании протестантской этики и духа капитализма отмечал значительное влияние протестантизма на интенсивное развитие экономических отношений, сперва в странах Запада, а затем и во всем мире [1]. В популярном прочтении идей Вебера активное ведение предпринимательской деятельности, высокий профессионализм в труде и восприятие всякого труда в качестве служения Богу стали восприниматься в статусе неотъемлемых атрибутов

протестантской культуры [2, с. 249]. Несмотря на подобную, во многом мифическую, интерпретацию идей известного немецкого ученого, в реальной повседневной практике отношение протестантов к труду не было столь простым и однозначным. Эта особенно хорошо заметно на примере протестантов, живших и служивших в Советском Союзе. Культурный контекст традиций восточного христианства [3], значительные ограничения со стороны представителей государственной власти, внутренние богословские дискуссии – эти и другие обстоятельства повлияли на формирование целого диапазона различных отношений к профессиональному труду в протестантских сообществах. Каким оно было и как к нему относились представители государства – вопросы, поиск ответов на которые и посвящено настоящее исследование.

В рамках методологического подхода истории идей интерес представляют как контекст и содержание дискуссий о светском труде и отношении к нему, так и языковые конструкции, при помощи которых велись данные дискуссии. Использование тех или иных категорий указывало не только на фактическое содержание обсуждения, но и отсылало к тем или иным смысловым контекстам и сопутствующим способам аргументации. В значимых текстах конкретных исторических акторов подобные связи заметны намного лучше, однако и на выборке массовых источников их вполне можно проследить. В рамках настоящего исследования основными источниками будут документы фондов Совета по делам религиозных культов (СДРК) при Совете министров СССР, который действовал в период с 1944 по 1965 год. В фондах хранятся различные отчеты работников центрального аппарата и региональных уполномоченных СДРК, а также собранные ими материалы от верующих, религиозных организаций, органов региональной и общегосударственной власти, общественных организаций и частных лиц. Упомянутые отчеты уполномоченных Совета, включающие как авторские тексты, так и цитаты из других источников, составляют большинство текстов.

1. Светский труд как полноценное христианское служение

Советская религиозная политика первой половины XX века обусловила возникновение достаточно сложных условий существования для советских протестантов и их сообществ. Подобные условия довольно точно описаны во фрагменте доклада М.И. Калинина, в котором говорится, что «их история является историей непрерывных гонений» [4, с. 451]. В первоначальной версии данное высказывание описывало дореволюционное время, однако его можно считать актуальным и в отношении более поздних периодов. В контексте религиозной политики СССР в протестантских сообществах сформировались особые представления о труде, наличие расхождений в которых в большей

степени зависело не столько от деноминационной принадлежности верующих, сколько от непосредственных условий жизни протестантов в том или ином регионе, в тот или иной период времени. Тем не менее, общей линией проповедей и публичных выступлений было поддержание идеи о том, что всякий труд является полноценной формой христианского служения. Подобные заявления вполне созвучны тем культурным компонентам, с которыми ассоциируется протестантизм в западных странах. Некоторую аналогию можно провести и с советскими текстами, призывавшими включаться в трудовую деятельность.

Подобное отношение, выраженное в связи понятий «труд» и «служение», вызывало напряжение и противодействие со стороны советских авторов. Так, например, в «Спутнике атеиста» приводится утверждение о том, что в рамках христианской культурной традиции предполагается воспитание у ее носителей пренебрежительного отношения к труду. При этом обозначается и существование альтернативных мнений, однако они рассматриваются только как частные случаи. «Церковники произносят массу проповедей на темы «Труд и молитва», «Красота труда» и т.д. В этих проповедях они пытаются доказать, что «всякий труд свят и религиозен», призывают «работать, как муравей и как пчела». Эти факты говорят о приспособляемости церковников, но они несколько не меняют действительного отношения церкви и религии к труду» [5, с. 450]. Особое внимание стоит уделить термину «церковники», использованному в приведенном фрагменте. В текстах советских авторов термин применялся преимущественно по отношению к православным и католикам, однако в ряде случаев его также использовали и для обозначения протестантов. В период с 1944 по 1965 год протестантов зарегистрированных общин называли «церковниками», а представителей незарегистрированных («подпольных») общин – «сектантами».

Аналогичные критические утверждения неоднократно встречаются и в многочисленных материалах переписки между руководством СДРК и региональными уполномоченными Совета. Стоит отметить, что тексты писем и по содержанию, и на уровне формулировок часто совпадают с текстами соответствующих разделов «Спутника атеиста». «Христианские проповедники сейчас прямо-таки стесняются произносить стих из Евангелия от Матфея: «Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы; и Отец ваш небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?» Вразрез евангельскому тексту «О беззаботности птиц небесных», один из видных деятелей религиозного центра баптистов говорит буквально следующее: «Его слушайте» – т.е. слушайте Иисуса Христа: «Этот голос говорит и нам, чтобы мы не увлекались только духовными восторгами, а были успешными в нашем

повседневном человеческом труде на благо ближним и своей страны». И тут же проповедник распространяется о хорошей жизни, которая достигается самоотверженным трудом миллионов человеческих рук...» [6, с. 36-37]. Слова «человеческий труд» и «труд на благо» – прямое указание на то, что в проповеди содержались призывы именно к светскому труду.

В протестантской культурной традиции, одним из значимых компонентов которой является доктрина Всеобщего Священства, всякий труд, вне зависимости от сферы его применения, может считаться служением Богу. «Труд – земное призвание человека. Работая и молясь, он чувствует себя выполняющим волю Бога» [7, с. 71]. Поэтому приведенные идеи могли восприниматься как обозначение правильной мотивации к труду, а не как основание для противопоставления его видов. Потребность в труде во всех его формах не только не отрицалась, но и активно поддерживалась в протестантских церквях. «Заповедь о труде [...] осмысливала существование человека на земле. В саду труд человека был не проклятием, а радостью, и посредством труда он становился полновластным хозяином земли» [8, с. 41]. На практике в большинстве протестантских церквей, особенно пятидесятнических, даже руководители общин совмещали церковное служение со светской работой и старались выполнять ее на высоком уровне. «О фактах плохого отношения к работе в колхозах и на производстве не имеется сведений. Сами же верующие говорят о добросовестном отношении с их стороны к труду, подчеркивая отсутствие среди них курящих и употребляющих спиртные напитки» [9, с. 12].

Протестанты уделяли значительное внимание качеству своего труда, вне зависимости от сферы профессиональной реализации. В период с 1945 по 1965 год в информационных отчетах Уполномоченного СДРК по Москве и Московской области наблюдается постепенный рост статусного уровня предприятий, сотрудники которых были или становились участниками протестантских общин. Среди учреждений, в которых работали протестанты, упоминались «Мин-во Вооружений, Мин-во Тр. Резервов, 3-д п.я. 75, п/я 23/50, Училище им. Баумана, Стр. Монт. 3-д № 2, Обл. Упр. Милиции...» [10, с. 63]. Имели место случаи, когда руководители крупных предприятий, партийные работники, а также чиновники высокого ранга принимали христианство и начинали активно участвовать в церковной жизни. «Недавно был случай, о котором я писал в последнем отчете. Роговец, депутат Московского Городского Совета 2-го созыва, кандидат в члены ВКП(б) посещает молитвенные собрания ехб и заявляет, что она искренно и убежденно верует. Об этом я сообщил в МГК и в Исполком Моссовета. Стало известно, что по вызове ее в Райком ВКП(б) она заявила, что не может отречься от Христа» [11, с. 165]. Существовали и обратные примеры, когда верующие продвигались по

службе уже после прихода в церковь, однако подобная практика не была достаточно широкой.

Несмотря на хорошие производственные показатели и положительные отзывы, негативное отношение к протестантам среди большинства населения оставалось главенствующим. «Добросовестные и честные труженики, образцовые семьянины и достойные граждане нашей Родины повсеместно подвергаются выходящими из рамок справедливой законности мерам воздействия и преследования единственно за то, что они верующие. Ненавистные установленным законам формы «перевоспитания» верующих при помощи бестактных, оскорбительных выпадов, клеветы, угроз увольнения, понижения в должности, исключения и т.д., факты снятия с работ и исключения из ВУЗов по мотивам несоответствующим действительности, несправедливое судебное преследование и многие другие меры, применяемые к верующим, – вот то воздаяние, которым местные и низшие власти удостаивают верующих за образцовое отношение к труду, высокое сознание, дисциплинированность и высокие моральные качества. Небезызвестно о том, какой произвол творится у нас по области [...] не говоря уже о таких вещах, как снятие с работы и привлечение к ответственности некоторых братьев и сестер за несение обязанностей, возложенных на них Церковью» [12, с. 121-125].

2. Приоритет церковного служения над светским трудом

В повседневной практике протестантов имели место случаи, когда верующие искали богословские основания, позволявшие не трудиться в светских организациях. Для некоторых верующих и служителей вполне могло быть свойственным радикальное противопоставление труда непосредственно в церкви и деятельности за ее пределами, постулируемое советскими авторами. Многие протестанты не желали иметь что-либо общее с советским государством, воспринимаемым в качестве постоянного гонителя христиан. Если потребность в труде, направленном на поддержание собственной жизни, ни у кого не вызвала серьезных сомнений, то понимание допустимой степени вовлеченности и нацеленности на высокую эффективность светского труда не было столь однозначным. Ситуация осложнялась за счет того, что довольно распространенной практикой были различные притеснения, понижения в должности и увольнения с работы за религиозную принадлежность. Часто для решения проблем протестантам приходилось обращаться за помощью к уполномоченным СДРК. «Обращались с жалобами на неправильное отстранение от работы (за принадлежность к религиозному обществу евангельских христиан-баптистов): [...] Для восстановления на работе указанных лиц потребовалось вмешательство идеологических отделов МГК КПСС и промышленного обкома КПСС» [6, с. 14].

Для протестантов служение Богу являлось приоритетной целью во всяком занятии. Развитие общества и государства при этом не отрицалось, но ставилось в зависимость от приоритетной цели. Данная установка трактовалась советскими авторами как основание для неучастия в труде, имевшем иные цели [13, с. 138]. В обозначенный исторический период протестанты постоянно подвергались притеснениям, особенно от региональных и муниципальных властей. Это вынуждало их вести достаточно закрытый образ жизни, сконцентрированный преимущественно вокруг деятельности общин. Степень открытости во многом зависела от отношения руководства общины к налаживанию взаимодействия с государством. Открытость требовалась и для первичной регистрации общины, и для сохранения официального статуса. Соответственно, более замкнутыми были представители «подпольных» протестантских групп, исключавшие для себя возможность регистрироваться [12, с. 165]. Соответственно, если для членов официальных общин целевая установка на общественное и государственное развитие могла иметь место, то для представителей незарегистрированных групп и общин это представлялось возможным в значительно меньшей степени, так как для них актуальным являлся вопрос о допустимости «трудиться для успеха мирской системы сатаны» [15, с. 10].

Особый интерес представляет отношение советских протестантов к коллективному труду. Этические установки протестантского вероучения находились под сильным влиянием восточно-христианских традиций, что накладывало определенный отпечаток как на целевые установки, так и на практику трудовой деятельности советских протестантов. В качестве трудового идеала они воспринимали совместное производство необходимых для жизни продуктов и последующее равное распределение продуктов производства между всеми работниками. Подобные взгляды вполне согласовывались с коммунистическими представлениями о целях труда, однако в текстах советских авторов протестантские установки противопоставляли коммунистическим, что часто негативно сказывалось на отношении руководителей светских организаций к работникам-протестантам. «Моральным «идеалом» сектантства является «духовное пустынножительство», всепоглощающее, эгоистическое сосредоточение человека на самом себе, нигилистическое отношение к обществу, науке, культуре, неверие в разум, волю и достоинство человека. Носителями подобных качеств определялись иждивенцы, пенсионеры, домохозяйки, малоквалифицированные и неквалифицированные рабочие, составляющее, по заверениям авторов советских атеистических трудов, подавляющее большинство сектантов» [16, с. 3]. При этом ни уровень дохода, ни статусность должностей самими протестантами не

воспринимались в качестве показателей значимости труда. «Христос, исполняющий труд плотника, этим самым как бы окружает ореолом, почетом всякий труд на земле. С точки зрения Евангелия нет низкого труда; каждый труд почетен в очах Христа, работавшего плотником в Назарете» [17, с. 43].

Стоит отметить, что важной причиной отказа от целенаправленного карьерного роста служила возможность иметь работу, объем и режим которой позволяли совмещать ее с активной деятельностью в церковной общине. Наиболее предпочтительными являлись рабочие места, во-первых, предполагавшие сменный рабочий график, а во-вторых, не предполагавших высокого образовательного уровня. В период с 1945 по 1965 год возможность официально трудиться только в церковной общине в рамках так называемого «служения полного времени» существовала лишь у малого количества служителей – руководителей церковных общин и работников церковных союзов. Это было связано как с ресурсоемкостью церковного бюджета, так и с политическим курсом государства на ограничение числа священнослужителей. Поэтому любые формы активного участия в церковной жизни большинства верующих, не являющихся официальными работниками общин и союзов, воспринимались либо как уход от общественно полезного труда, либо как нечто существующее в ущерб ему. При этом в рамках советских публикаций параллельное существование светского и церковного труда не рассматривалось [18, с. 333]. Подобное понимание постепенно формировалось и у многих верующих, находившихся под влиянием средств массовой информации.

Существование служителей полного времени создавало дополнительные возможности для противодействия развитию церкви. В первой половине 1960-х годов одной из распространенных мер воздействия стала ссылка в отдаленные районы страны, согласно Указу Президиума Верховного Совета РСФСР [19, с. 19], на основании которого церковных служителей, в первую очередь – проповедников, обвиняли в тунеядстве, дабы скомпрометировать их в глазах рядовых верующих. Помимо высвобожденных служителей в категорию «тунеядцев» могли попасть верующие, не являвшиеся официальными работниками церковных общин, даже при условии наличия постоянного трудоустройства в структуре советских предприятий. Например, в «Списке осужденных за слово Божие», составленном в середине 1960-х годов, содержится 38 фамилий верующих, осужденных на основании данного указа на срок от 2 до 5 лет [20]. Всего в 1961-1964 годы за тунеядство, по данным СДРК, было выслано в отдаленные районы более 400 верующих [21]. Особенно сложно данные обстоятельства переносили дети протестантов. «Известно, что шесть человек верующих этой

местности уволены с работ под вымышленными предложениями, из них Афонин Иван Алексеевич увольняется в четвертый раз, несмотря на то, что он является отцом семи человек детей. Нетрудно представить себе, как бедствует эта и подобные семьи» [12, с. 121-125].

Заключение

В рассматриваемый период специфика развития протестантских представлений о труде было тесно связано с историческими процессами, имевшими место в СССР. Первое послевоенное десятилетие было периодом всестороннего восстановления государства. Правительство различными способами старалось привлечь людей к восстановительной деятельности. В эти годы проблемные вопросы в рамках трудовой этики, встававшие перед протестантами, находили преимущественно положительные решения. С одной стороны, желание восстановить страну являлось дополнительным мотивом к активному включению в трудовую деятельность, с другой, некоторое послабление внешнего давления в рамках религиозной политики сокращало число негативных факторов в жизни протестантов. Однако по мере нормализации экономики, снижения творческой и трудовой мотивации протестантов, ужесточения религиозной политики, ситуация с состоянием трудовой этики менялась в сторону обострения проблемных вопросов. Конец 1950-х – первая половина 1960-х стали периодом окончательного закрепления радикальных позиций – усиленной мотивации к труду и максимальному избеганию светской трудовой деятельности. В рамках публикаций советских авторов тенденции аналогичны – в первом десятилетии умеренность в критике, во втором – ужесточение позиции по отношению к протестантам. Негативное отношение к верующим на протяжении 1945-1966 годов было преобладающим, но следует отметить существование и положительных аспектов. Так, например, на уровне научного сообщества отношение к протестантам не всегда было отрицательным. «Высокие производственные показатели некоторых из них по достоинству оценены социалистическим государством. Поэтому следует признать совершенно неправильным бытующие кое у кого представления о баптистах как о лодырях и тунеядцах» [22, с. 78].

References:

- [1] Weber M. *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. Oxford: Oxford University Press, 2010. – 448 p.
- [2] Kataev D.V. Actualization of Max Weber's sociology in economic theories: problems of interpretation and reception // *Izvestiya of the Herzen Russian State Pedagogical University*. 2011. Issue 130. P. 244-251.

6th International Scientific-Practical Conference «Education Transformation Issues» 23-29 December 2017

- [3] Suponitskaya I.M. Success and Luck: Attitude to Labor in American and Russian Society // *Issues of Philosophy*. 2003. Issue 5. P. 44-56.
- [4] Thirteenth Congress of the RCP (b). Verbatim report. Moscow: Gospolitizdat, 1963. – 883 p.
- [5] *Atheist's Companion*. M.: Political Literature, 1959. – 592 p.
- [6] Information report of the Commissioner of the Council for Religious Affairs for Moscow and Moscow Region in 1963 // CGAM. F. 3004. Op. 1. D. 81. P. 9-52.
- [7] Work and Prayer // *Bratskii Vestnik*. 1956. Vol. 3-4. P. 71-72.
- [8] Motorin Ya.I. God's Covenant with Adam // *Bratskii Vestnik*. 1960. Vol. 3. P. 40-47.
- [9] Information report of the Commissioner of the Council for Religious Affairs for Moscow and Moscow Region for the 1st quarter of 1946 // CGAM. F. 3004. Op. 1. D. 7. P. 2-13.
- [10] Information report of the Commissioner of the Council for Religious Affairs for Moscow and Moscow Region for the 3th quarter of 1951 // CGAM. F. 3004. Op. 1. D. 24. P. 61-100.
- [11] Report of the Commissioner of the Council for Religious Affairs for Moscow and Moscow Region Beshaposhnikova S.Ya. // CGAM. F. 3004. Op. 1. D. 24. P. 158-170.
- [12] Statement to the Chairman of the Council of Ministers of the USSR NS. Khrushchev from evangelical believers of Moscow and Moscow Region // CGAM. F. 3004. Op. 1. D. 74. P. 121-126.
- [13] Garadzha V.I. *Protestantism*. M.: Political Literature, 1971. – 200 p.
- [14] Nikolskaya T.K. *Russian Protestantism and State Power in 1905-1991*. SPb.: EUSP Press, 2009. – 356 p.
- [15] Moro F. The World and His God // *Baptist*. 1908. № 11. P. 10.
- [16] Klibanov A.I. Modern sectarianism and its overcoming. // *Questions of the history of religion and atheism*. 1961. Vol. 9. P. 3.
- [17] Karev A.V. The image of Christ in the New Testament // *Bratskii Vestnik*. 1965. Vol. 1. P. 43.
- [18] Odintsov M.I. “You will receive power when the Holy Spirit descends upon you”. The history of the Pentecostal church in Russia. XIX-XX centuries. SPb.: ROIR, 2012. – 498 p.
- [19] Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR “On Strengthening the Struggle against Persons Who Shirk Public Service and Lead the Antisocial, Parasitic Way of Life” of May 4, 1961 // GARF. F. P-6991. Op. 6. D. 227. L. 19.
- [20] List of convicts for the period from 1961 to 1964 members of societies EChB, operating in the USSR // GARF. F. P-6991. Op. 4. D. 173. L. 197-200.

*6th International Scientific-Practical Conference «Education
Transformation Issues» 23-29 December 2017*

[21] Report of the Council “On the number of convicts and expelled from among believers in 1961-1965” // GARF. F. P-6991. Op. 4. D. 173. L. 176.

[22] Filimonov E.G. Baptism and Humanism. M.: Mysl', 1968. – 184 p.